

УДК 37.014

БИОЭТИКА В НАРРАТИВНОМ РАКУРСЕ: ОТ «НАУКИ ВЫЖИВАНИЯ» ДО РАДИКАЛЬНОЙ ЭТИКИ СПАСЕНИЯ (на материале рассказа Р. Киплинга «Чудо Пуран Бхагата»)

К. С. Смирнов

кандидат философских наук, доцент кафедры философии, биоэтики и права с курсом социологии медицины,
ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный медицинский университет» Минздрава России,
Волгоград, zzzzz111@mail.ru

В статье анализируется все более востребованный ракурс биоэтики, известный как нарративная и даже литературная биоэтика. Этот анализ производится на материале рассказа Редьярда Киплинга «Чудо Пуран Бхагата». Деконструкция в ее этическом аспекте выступает в данном случае как метод преодоления логоцентризма и становится радикализацией этики. Речь идет о рассмотрении биоэтики не просто как «науки выживания», а как радикальной этики спасения жизни. Текст рассказа интерпретируется как фармакон – целебное, спасительное средство для человеческого сознания, общества и природы. Результатом анализа является идея рассмотрения консервативной биоэтики как радикальной этики спасения и науки о духовно-нравственной сущности человека. Эта сущность есть сознание, которое всегда моральное сознание, в отличие от интеллекта, лишённого морального измерения и ведущего человечество путем катастрофического прогресса к трансгуманистическому постчеловеческому будущему.

Ключевые слова: нарративная биоэтика, деконструкция, фармакон, радикальная этика спасения, сознание.

DOI 10.19163/2070-1586-2020-1(25)-5-9

BIOETHICS IN NARRATIVE FORESHORTENING: FROM «SCIENCE OF SURVIVAL» TO THE RADICAL ETHICS OF SALVATION (on the material of R. Kipling's story «The miracle of Purun Bhagat»)

K. S. Smirnov

PhD, Associate professor of the Philosophy, Bioethics and Law Department with the Course of Medical Sociology,
Volgograd State Medical University, Volgograd, zzzzz111@mail.ru

The increasingly foreshortening of bioethics known as narrative and even literary bioethics is analyzed in article. This analysis is realized on the material of Rudyard Kipling's story «The miracle of Purun Bhagat». Deconstruction in its ethical aspect comes out in this case as method of the overcoming of logocentrism and becomes radicalization of ethics. The talk is about consideration of bioethics not simply as the science of survival but as radical ethics of the salvation of life. The text of the story is interpreted as pharmacon, remedy, sure remedy for human consciousness, society and nature. The result of the analysis is the idea of the consideration of conservative bioethics as radical ethics of salvation and science about spiritual-moral essence of human. This essence is consciousness, which is always moral consciousness in contradiction to intellect deprived of moral dimension and leading humankind on the way of catastrophic progress to transhumanistic, posthuman future.

Key words: narrative bioethics, deconstruction, pharmacon, radical ethics of salvation, consciousness.

Памяти нашего коллеги и соавтора
Владимира Николаевича Прямыцина

*Кто услышал зов с Востока,
вечно помнит этот зов.
Р. Киплинг, «Мандалай»*

Биоэтика в настоящий период со всей очевидностью уже преодолела те изначальные прагматические установки, которые привели к появлению данной науки. В этом преодолении, с одной стороны, можно наблюдать влияние постмодернистского дискурса с его стремлением выступить в роли общей культурологической теории, однако, с другой стороны, сама биоэтика в ее теоретическом аспекте стала «философской наукой со специфическим нормативно-оценочным понятийным аппаратом... и выступает как прикладная философия» [3, с. 41].

В этом прикладном аспекте можно отметить эволюцию биоэтики от «науки выживания» к некой универсальной этике, которую мы характеризуем как радикализацию этики и определяем как радикальную этику спасения. Представляется, что не совсем корректно сводить человеческую жизнь к простому выживанию, и только вокруг этого выстраивать научный дискурс. История (да и настоящее время) слишком часто дает примеры того, что выживание одних происходит за счет гибели и уничтожения других (и не только людей). Конечно, постмодернистский дискурс есть за что критиковать, но объяснение данной «этики выживания» логоцентрической установкой новоевропейского

мышления трудно отрицать. Логоцентризм полагает в центре всего субъекта, который направляет взгляд на объект, встроенный в структурированную понятиями и иерархизированную ценностно структуру реальности. При этом объект выступает как «другой», «чужой», и в отношении него можно осуществлять метафизическую агрессию, а спускаясь по диалектическим ступеням, любой конкретный вид агрессии. Значит необходимо преодолеть логоцентризм путем деконструкции, которая может стать методом биоэтической рефлексии и вывести нас на новый уровень биоэтики.

Таким образом, деконструкция сама становится радикализацией этики.

В этом смысле рассмотрение биоэтики в нарративном и особенно в литературном ракурсе представляется необычайно плодотворным. Речь в данном случае идет об интерпретации литературного текста в биоэтических категориях, экспликации его ценностного смысла в контексте аксиологической триады «жизнь – смерть – свобода».

Важно отметить, что высокохудожественный текст является не только определенным нравственным эталоном, но и фармаконом, лекарством. Данный фармакон есть диалектическое единство противоположностей целебного средства и яда и включен во всей своей амбивалентности в дискурсивное поле. Кроме того, фармакон представляет собой дар, который может обернуться проклятием для обладающего подобным даром. Ясно, что и человек, как текст, также может быть фармаконом. Тогда человек несет в себе особый дар. Это поразительный дар духовности. Дискурс, который представлен в древнейших текстах религиозного, религиозно-философского и философского характера (Библия, Веды, диалоги Платона), ясно утверждает, что источником блага и зла является душа. То есть целебное снадобье для души – это совершенно определенный дискурс. Именно этот дискурс порождает в душе мудрость. А когда душа обретает мудрость, человек становится спасителем всего живого.

Рассказ классика английской литературы Редьярда Киплинга «Чудо Пуран Бхагата» не относится к числу самых известных и популярных произведений писателя. Киплинг широко известен благодаря сборнику «Книга джунглей» и стихотворению «Бремя белых». Именно это последнее дало основание назвать автора «певцом британского империализма». Однако, как это нередко случается с текстами выдающихся творцов, самое значительное в их наследии становится заметным спустя много лет. Именно это произошло с обозначенным рассказом.

В центре нарратива судьба премьер-министра одного из штатов Британской Индии. «Он был Брамино из такой высокой касты, что каста, как

понятие, потеряла особое значение для него» [1, с. 64]. Получив блестящее английское образование в Бомбейском университете, молодой брамин становится поразительно эффективным менеджером, который проводит модернизацию в своем штате (строятся дороги, школы, государственные аптеки и больницы). Потом он отправляется в Англию, где производит фурор своими речами об индийской социальной реформе. «Весь Лондон кричит: «Это самый обаятельный человек, который когда-либо нам встречался...» [1, с. 66]. После возвращения в Индию вице-король награждает его, и Пуран Дас становится Рыцарем Командором Ордена Индийской Империи. Отныне он Сэр Пуран Дас. «Британские империалисты» признали его, индеец, равным себе... Спустя месяц этот блестящий человек умирает. «Жрецы знали, что произошло, а народ догадывался, но Индия – единственное место в мире, где человек может делать, что хочет, и никто не спросит, почему» [1, с. 67]. На самом деле Сэр Пуран тайно оставляет свой высокий пост преемнику и становится саньяси, или святым человеком (holy man), в соответствии с древней ведической традицией. «Он был Саньяси – бездомный, бродячий монах, зависящий от окружающих для своего ежедневного пропитания, и до тех пор, пока есть в Индии кусок хлеба, которым можно поделиться, ни жрец, ни нищий не будут голодать» [1, с. 68]. Всю жизнь в душе этого англоизированного, цивилизованного человека присутствовал «сокровенный человек». И теперь этот человек, человек духовный, должен был проявиться. Прodelав пешком неблизкий путь в сторону Гималаев, бывший Сэр Пуран находит место на вершине холма, у подножья которого на крутом склоне расположена маленькая деревня. Появление аскета не вызвало удивления в деревне, но было встречено с радостью. Каждая утренняя чашка для милостыни наполнялась простой едой деревенской кухни, а он все повторял и повторял Божественное Имя. Через некоторое время Пуран Бхагат становится аттрактором для диких животных, обитающих в округе (горных обезьян, оленей, медведя). Он стал аттрактором, потому что достиг уровня духовности, имя которому Любовь. «Он верил, что все существа были одним большим Чудом... Он знал наверняка, что не было ничего великого и ничего малого в этом мире, и день и ночь он стремился продумать до конца свой путь к сердцу всего сущего, назад к месту, откуда пришла его душа» [1, с. 79]. Прошло немало лет, в течение которых жители деревни и дикие животные живут, освященные Любовью Пуран Бхагата. Но летом начинаются бесконечные дожди, и однажды ночью дикие животные будят аскета и настойчиво тянут его с места многолетнего обитания. Он понимает, что животные, предчувствуя катастрофу

(падение огромного селевого потока), пришли спасти его. И теперь сам праведник должен предупредить и спасти жителей деревни. С помощью животных он спускается в деревню. «Он не был больше святым человеком, но Сэром Пураном Дасом... премьер-министром большого Штата, человеком, привыкшим повелевать, собирающимся спасти жизнь» [1, с. 83, 84]. Он кричит, чтобы люди бежали через долину к вершине другого холма. Они бегут, а за ними следует их спаситель, поддерживаемый животными. Стремительный подъем лишает праведника последних сил, и он умирает. Так заканчивается эта поразительная история.

На наш взгляд, биоэтическое измерение данного нарратива представлено целым рядом аспектов. Как известно, предметом биоэтики является нравственное отношение ко всему живому. В этой связи рассказ Киплинга включает в себе нравственно-социальный, нравственно-политический, нравственно-экологический, нравственно-экзистенциальный и нравственно-антропологический смыслы. Собственно «чудо» главного героя заключается в том, что, начав свой путь как человек дела, социальный реформатор, сторонник прогресса, «западник», он радикально меняет траекторию своей жизни и выходит на путь крайнего традиционализма, путь духовного совершенствования и достижения мокши (освобождения от круговорота сансары). Однако этот «уход» приводит Бхагата к тому, что в силу обстоятельств (природной катастрофы) он снова становится человеком Дела с большой буквы. Теперь это уже не просто, если использовать биоэтический дискурс, повышение качества жизни людей, а спасение всех. При этом последнее оказалось возможным благодаря установлению духовного контакта с животными. Можно сказать, что герой рассказа является воплощением биоэтики как радикальной этики спасения или сбережения жизни.

Бхагат по факту рождения принадлежит к элите. Однако он преодолевает известную замкнутость своей социальной группы. Сначала он проводит политику широкой социальной модернизации, а затем уходит на самый «край» социальной жизни и начинает духовную жизнь на «границе» социального и природного. Но это радикальное смещение от центра к периферии оказывается спасительным для многих людей. В этом смысле главный герой воплощает в себе элиту в истинном смысле слова, сочетая в себе интеллект делового человека и высочайшую нравственность, духовность. Причем это духовность отнюдь не только метафизического свойства. Как отмечает современный чилийский философ Дарио Салас Соммер: «Духовность – это практика наивысших человеческих добродетелей» [4, с. 55]. Эта практика со всей очевидностью

представлена в завершающий период жизни Бхагата, кульминацией которого становится событие спасения жизни: животные спасают праведника, который спасает людей ценой своей жизни. В этой связи справедливо утверждение о том, что «биоэтика и событие есть антропологические экзистенциалы... иногда они существуют один в другом, существуют совместно» [2]. В кульминации рассказа мы имеем это совместное существование биоэтики и события и в этом проявляется нравственно-экзистенциальный смысл нарратива.

Герой рассказа Киплинга, живя на «границе» природного и социального, обретает такой уровень духовности, что вступает в диалог с дикими животными и ему открывается таинственная духовность природы. «Пуран Бхагат называл их всех «мои братья», и его негромкий зов «Bhai! Bhai!» выманивал их из леса» [1, с. 78]. Насколько противоположным в своем агрессивном, потребительском варварстве является отношение к природному миру, демонстрируемое большей частью современного человечества. «Согласно материалам фонда Global Footprint Network человечество уже сейчас за год расходует ресурсы, воспроизводимые за 1,5 года. То есть для обеспечения существующего типа потребления уже к 2030 г. понадобится еще одна Земля» [5]. Более того, уже вполне утвердился антиэкологический, радикальный дискурс, декларирующий, что природа – это уже в значительной степени отработанный материал на «блестящем» пути технологического прогресса. Согласно этому дискурсу, необходимо в скором времени создавать капсульную, максимально искусственную среду обитания человека и само органическое тело *homo sapiens* требует максимальной технологической трансформации в силу его «несовершенства».

Отсюда вытекает нравственно-антропологическое измерение рассказа Киплинга. Герой рассказа – человек духовный, нравственно приблизившийся к совершенству. Причем, если бы ему это сказали, он, скорее всего, не понял бы, о чем и о ком идет речь. В этом и состоит максимальное приближение к совершенству: оно в максимальном смирении и отсутствии какой-либо гордыни.

Между тем, в столь популярном сейчас трансгуманистическом дискурсе предлагается свой идеал: так называемый «*homo perfectus*» на основе технологий «*human enhancement*». Этот «совершенный» человек «станет и создателем новой системы нравственных ценностей, в которой техническая «система жизнеобеспечения» будет представлять центральную ценность, а сохранение природных характеристик будет иметь прикладное значение» [3, с. 160]. Однако такой технологизированный «совершенный» человек – дело будущего, пусть и не очень отдаленного. Его более или менее

полное осуществление придется на время так называемой технологической сингулярности, которая по расчетам математиков должна наступить к середине нынешнего столетия. Настоящее же время также предлагает идеал «совершенного» человека. Собственно это «идеал» имеет максимально конкретное, документальное выражение уже в течение 30 лет: речь идет о знаменитом и всем известном списке Форбс. Люди с миллиардными, мультимиллиардными и вообще любыми состояниями – таков «нравственный идеал» совершенства наших дней. На современной стадии глобального капитализма, получившего название «биокапитализм», жизнь может быть признана ценностью не сама по себе только по факту своего возникновения и существования, а лишь при наличии социально-генетического кода, которым является конечно же капитал. Жизнь в режиме биокапитализма должна быть эффективной и рентабельной, создающей такой актив, который позволял бы осуществлять максимально долгосрочное финансовое планирование и инвестирование. Однако сам этот актив надо получить максимально быстро. И, конечно, самый «легкий» способ получения актива – это кредит. Но здесь и скрывается колоссальный деструктивный аспект нынешнего «нравственного идеала». Так, современный английский исследователь Джейкоб Филд в одной из самых новейших работ, посвященных проблемам современного капитализма, указывает: «Уроки прошедшего мирового кризиса остались невыученными. Банки и сегодня выдают займы рекордными темпами – за период с 2008 года их объем превысил 60 триллионов долларов. Мировой долг втрое превышает мировой ВВП. Мир до сих пор пытается оправиться от 2008 года, но семена нового кризиса уже посеяны» [6, с. 88]. Филд отмечает термин «финансиализация», который характеризует новейшую историю капитализма. «Им обозначают процесс конвертации любых вещей в свободнообращающиеся финансовые активы, в основном в виде ценных бумаг... финансиализация не создает настоящих продуктов, а просто пытается делать деньги из денег. В долгосрочном плане она не способствует экономическому росту, а лишь обогащает финансовые институты» [6, с. 76]. Как результат – растущая социальная поляризация в глобальном сообществе и угроза страшного социального взрыва, который уже не назовешь бессмысленным, но который будет беспощадным. Отсюда стремление сверхбогатых глобальных граждан максимально отгородиться от социальной реальности. «Некоторые богачи представляют себе будущее мира таким мрачным, что уже готовят планы собственного спасения на случай социальных потрясений, вкладывая средства в строительство бункеров... Мультимиллиардер Питер Тиль потратил

миллионы долларов на подготовку убежища на черный день в Новой Зеландии» [6, с. 113].

Таким образом, можно говорить об этическом тупике современного мира, где «высшими» ценностями стали капитал и технологии, а жизнь рассматривается как потенциал для конвертации в финансовые активы и как материал для технологических манипуляций. Такой «дивный, новый мир» вызывает все меньше симпатий и порождает нравственно-экзистенциальный протест. Поэтому все больше людей выбирают путь героя Киплинга, зачастую просто из чувства экзистенциальной «тошноты». Как замечает Шпенглер: «Фаустовское мышление начинает ощущать тошноту от машин... Люди возвращаются к образу жизни более простому и близкому к ней (природе – К.С.)... Большие города становятся им ненавистны, и они стремятся вырваться из-под давящей тяжести бездушных фактов, из жестокой и холодной атмосферы технической организации... Окультизм и спиритизм, индийские философии, метафизическое любопытство под покровом христианства или язычества... сегодня обретают новую жизнь... люди бегут от цивилизации и ищут убежища в странах, где царят примитивная жизнь и условия, в странствиях, в самоубийстве» [7].

Представляется, что настало время для концептуального осмысления сложившейся, глубоко кризисной ситуации. Такое осмысление, на наш взгляд, должно происходить в рамках консервативной формы биоэтики, которую мы предлагаем трактовать как радикальную этику спасения жизни: жизни всех людей и других видов живого. Радикальная этика спасения предполагает, в свою очередь, возвращение к традиционным ценностям человечества: труду, честности, сплоченности семьи, солидарности, справедливости, дружбе, доброте, любви, готовности к самопожертвованию.

В рассказе Киплинга герой испытывает переживание единства мира. Талантливый английский писатель в художественной форме показывает, что человеческое сознание не обусловлено только индивидуальным существованием. Возникновение чувства стыда, мук совести, очевидно, способствовали тому, что человек с момента появления его, как вида, переживал свою сознательную жизнь как созерцаемую другим (другими) со стороны. Любопытно, что этимологически слова сознание и совесть весьма близки. Эту близость можно проследить и в других языках (англ. Consciousness – сознание и conscience – совесть, фр. Conscience – одно слово означает и сознание, и совесть, исп. Conciencia – также одно слово для сознания и совести). Данный анализ позволяет утверждать, что сознание изначально морально. Или, по-другому, сознание есть моральное сознание. Отказ от морали означает отказ от сознания в пользу интеллекта, вплоть

до искусственного интеллекта. Философ Дарио Соммер отмечает: «Интеллект и сознание – абсолютно разные способности. Первая – способность мозга, вторая – проявление сущности» [4, с. 88]. Исходя из этого, можно заключить, что консервативная биоэтика как радикальная этика спасения есть наука о духовно-нравственной сущности человека, отказ от которой выводит человека на путь «катастрофического прогресса» (выражение русского философа Владимира Францевича Эрна), ведущего в «постчеловеческое будущее». В таком будущем уже не будет места этосу как совместному проживанию, где минимизируются индивидуализм и агрессия. Это будет реальность нарастающего соперничества и банального равнодушия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Киплинг Р. Рассказы. На англ. яз. – М.: ОАО Издательство «Радуга», 2004. – 128 с.
2. Прямыцин В.Н., Смирнов К.С., Реймер М.В. О противоречивой связи биоэтики и события (медиализации социума и социализации медицины) // Биоэтика. – 2018. – № 1 (21). – С. 15.
3. Седова Н.Н. Мысли о биоэтике. Избранные статьи и фрагменты. – Волгоград: Изд-во ВолГМУ, 2018. – 188 с.

4. Соммер Д.С. Мораль XXI века. – М.: Издательство «Кодекс», 2019. – 480 с.
5. Стрельченко В.И. Биоэтика благоразумия и аксиология безрассудства // Биоэтика. – 2019. – № 1 (23). – С. 7.
6. Филд Джейкоб. Есть ли будущее у капитализма? – М.: Ад Маргинем Пресс, 2019. – 144 с.
7. Шпенглер О. Человек и техника // Культурология. XX век. Антология. – М.: Юрист, 1995. – С. 489.

REFERENCES

1. Kipling R. Rasskazu. Na angl. Jaz. M.: OAO Izdatelstvo «Raduga», 2004. 128 s.
2. Priamizin V.N., Smirnov K.C., Rejmer M.V. O protivorechivoj svyazi bioetiki i sobitija (medicalizacii coziyma i cozializacii medicini) // Bioetica. 2018. № 1 (21). S. 15.
3. Cedova N.N. Micli o bioetike. Izbrannie ctatji I fragmenti. Volgograd: Izdatelctvo VolgGMU, 2018. 188 s.
4. Commer D.C. Moral XXI veka. M.: Izdatelctvo «Kodeks», 2019. 480 s.
5. Strelhenko V.I. Bioetika blagorazymija i akciologija bezrascyductva // Bioetica. 2019. № 1 (23). S. 7.
6. Fild D. Ect li bydyzhee y kapitalicma? M.: Ad Marginem Precc, 2019. 144 s.
7. Chpengler O. Helovek i texnika // Kyltyrologija. XX vek. Antologija. M.: Jyriect. 1995. S. 489.

УДК 241.13

БИОЭТИКА: ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ВИДЫ*

И. В. Силуянова

доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой биоэтики ФГБОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова Минздрава России, Москва, siluan@mail.ru

Л. Е. Пищикова

доктор медицинских наук, руководитель отделения профилактической геронтопсихиатрии ФГБУ «НМИЦ психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России, Москва, gerontpro@yandex.ru

Биоэтика определяется авторами как форма знания о допустимых границах манипулирования человеческой жизнью в диапазоне от зарождения до умирания. Проведен сравнительный анализ материалов конференции в Иерусалиме (2018) и «Справочника по биоэтике для судей» (2016), подготовленного кафедрой ЮНЕСКО по биоэтике в Хайфе, с одной стороны, и заявлениями Церковно-общественного совета по биомедицинской этике РПЦ с другой. Он доказывает, что биоэтика как вид современной медицинской этики существует и будет существовать в ближайшем будущем в консервативной и либеральной формах. Раскрытие их содержания способствует решению проблемы поиска компромиссов в конкретных ситуациях медицинской практики.

Ключевые слова: биоэтика, право, экстракорпоральное оплодотворение, аборт, смерть и умирание, консерватизм и либерализм.

DOI 10.19163/2070-1586-2020-1(25)-9-16

BIOETHICS: DEFINITION AND TYPES

I. V. Siluyanov

Professor, PhD, Head of the Biomedical Ethics Department, Russian National research Medical University the N.I. Pirogov, Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, siluan@mail.ru

L. E. Pishchikova

Doctor of medicine, Head of the Department of Preventive Gerontopsychiatry Federal State Budgetary Institution «V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology», Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia, gerontpro@yandex.ru

*По материалам конференции «Bioethics, Medical Ethics & Health Law», Иерусалим, 27–29 ноября 2018 г.